

Тимофеев Александр Георгиевич

Судебное красноречие в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Георгиевич Т.**
Судебное красноречие в России / Тимофеев Александр Георгиевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 186 с.

ISBN 978-5-519-76686-9

ISBN 978-5-519-76686-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей книгѣ мною сдѣлана попытка дать критическій разборъ рѣчей русскихъ судебныхъ ораторовъ, насколько это было возможно при матеріалѣ, имѣвшемся въ моемъ распоряженіи, не касаясь данныхъ біографическаго характера и пользуясь исключительно рѣчами, напечатанными въ различныхъ сборникахъ процессовъ и въ собраніяхъ сочиненій ораторовъ. Эта работа находится въ тѣсной связи съ двумя моими предшествовавшими работами: „Рѣчами сторонъ въ уголовномъ процессѣ“, въ которой излагается теорія судебного краснорѣчія, и „Очерками по исторіи краснорѣчія“, посвященными изслѣдованію приемовъ и особенностей судебного краснорѣчія въ Греціи, Римѣ и западно-европейскихъ государствахъ (главнымъ образомъ Франціи) до конца XVIII столѣтія.

А. Тимофеевъ.

1900 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I.

А. Ө. Кони.

1.

Русское (свѣтское) краснорѣчіе вообще не можетъ быть названо стоящимъ на высокой степени развитія, и въ этомъ отношеніи больше всего сходства замѣтно между Россіей и Германскими народами, краснорѣчіе которыхъ стало развиваться лишь съ половины настоящаго вѣка. Такой выводъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о нелюбви русскихъ къ слову или объ ихъ ораторской неспособности, но всецѣло объясняется историческими причинами, строемъ русской общественной жизни. До эпохи реформъ императора Александра II не представлялось и возможности для проявленія ораторскаго таланта, за исключеніемъ, да и то очень условнымъ, университетскихъ кафедръ.

Земское и городское самоуправленіе и новые суды внесли иной порядокъ, дали возможность дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ. Но такъ какъ кругъ дѣятельности земскихъ и городскихъ собраній ограниченъ тѣсными предѣлами хозяйственныхъ вопросовъ, то въ нихъ и не имѣется особенно благоприятныхъ условій для развитія краснорѣчія. Несомнѣнное

преимущество въ этомъ смыслѣ на сторонѣ суда, созданнаго Судебными уставами 1864 года на началахъ гласности и публичности производства съ участіемъ общественнаго элемента въ лицѣ присяжныхъ при разборѣ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, хотя и здѣсь ограниченія, изытія и существованіе особыхъ порядковъ для разсмотрѣнія дѣлъ, глубоко затрогивающихъ общественную и государственную жизнь (напр. преступленія по дѣламъ печати и т. п.), суживаютъ область дѣятельности русскихъ судебныхъ ораторовъ сравнительно съ дѣятельностью адвокатовъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Но и при наличности этихъ препятствій изученіе русскаго судебного краснорѣчія, считающаго за собой всего тридцатилѣтній періодъ жизни, является весьма интереснымъ и поучительнымъ. Оно доказываетъ, что русскіе судебные ораторы, начавшіе свою дѣятельность при отсутствіи историческихъ традицій, въ сравнительно тѣсныхъ рамкахъ, предоставленныхъ имъ судебныхъ дѣлъ, сумѣли и успѣли сдѣлать многое. При этомъ рѣчи нѣкоторыхъ нашихъ выдающихся ораторовъ несомнѣнно носятъ отпечатокъ оригинальности и самостоятельности, позволяютъ говорить о русскомъ судебномъ краснорѣчіи, а не о простомъ подражаніи.

Рѣчи прокуроровъ въ Россіи, какъ на это, впрочемъ, указывается и въ другихъ странахъ, напр. во Франціи, обыкновенно уступаютъ защитительнымъ рѣчамъ, такъ какъ въ рядахъ адвокатуры по большей части сосредоточиваются лучшія силы, что вполне естественно, такъ какъ оратору требуется прежде всего независимое положеніе, позволяющее высказывать свое убѣжденіе безо всякихъ стѣсненій; служебныя условія не всегда оказываются легко совмѣстимыми съ этимъ требованіемъ. Другое обстоятельство, дурно вліяющее на рѣчи прокурора, какъ указываетъ А. Левенстимъ въ своей интересной работѣ о рѣчи государственнаго обвинителя, заключается въ массѣ различной административной работы, возлагаемой на прокурора, въ необходимости для него обвинять въ теченіе сессіи по цѣлому ряду дѣлъ. Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ еще прибавить и общее замѣчаніе о томъ, что у насъ слишкомъ мало вниманія обращается на

ораторскую подготовку; она не считается необходимой, и мѣста, требующія въ извѣстной степени ораторскихъ дарованій замѣщаются по большей части безъ соображеній о способностяхъ кандидата въ этомъ отношеніи. Однако за тридцатилѣтнюю дѣятельность новыхъ судовъ прокуратура успѣла выдвинуть нѣсколько даровитыхъ ораторовъ. Въ ней начали свою дѣятельность и нѣкоторые выдающіеся адвокаты (П. А. Александровъ, С. А. Андреевскій, В. И. Жуковскій и друг.). Русская прокуратура имѣетъ право гордиться тѣмъ, что къ ней принадлежитъ и извѣстный русскій судебный ораторъ А. Θ. Кони, въ рѣчахъ котораго члены прокуратуры имѣютъ цѣнные образцы обвинительныхъ рѣчей, замѣчательныхъ какъ по внѣшней формѣ, такъ и по содержанію. Какъ судебный ораторъ А. Θ. Кони, кромѣ прокурорскихъ рѣчей составлялъ въ качествѣ предсѣдателя суда напутствія присяжнымъ и затѣмъ кассационныя заключенія, даваемые имъ по званію оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента. И напутствія и заключенія отличаются глубокимъ знаніемъ права, умѣньемъ толковать законъ, не поступааясь его духомъ въ пользу буквы, равно какъ и хорошимъ изложеніемъ, но слишкомъ тѣсныя рамки этихъ спеціальныхъ формъ судебного краснорѣчія не даютъ достаточно простора для проявленія таланта оратора и не на нихъ основывается его извѣстность. Впрочемъ и въ нихъ А. Θ. Кони не всегда въ состояніи уйти всецѣло въ область чисто юридическихъ соображеній, и въ кассационныхъ заключеніяхъ время отъ времени проглядываетъ прежній боевой ораторъ: сухія комментаріи закона прерываются эффектными общими мѣстами и разсужденіями. Таково, напр., мѣсто въ кассационномъ заключеніи по дѣлу Іегера и Манассеина, гдѣ частный случай поддерживается авторитетомъ права, ссылкой на цѣли правового общенія, охватывающаго интересы не только подданныхъ даннаго государства. «Законы пишутся не только для удовлетворенія потребностей страны, какъ говорится въ постановленіи судебного слѣдователя. Многіе изъ нихъ имѣютъ цѣлью не одну финансовую, военную и внутреннюю политику страны, а общія потребности человѣка, вытекающія

изъ присущихъ его духу свойствъ и изъ тѣхъ предписаній, которыя среди грома и молній даны на Синаѣ и безъ которыхъ не мыслимо человѣческое общежитіе» (За послѣдніе годы. 1896 г. стр. 127).

Центръ тяжести ораторской дѣятельности А. Θ. Кони въ судѣ, въ его прокурорскихъ рѣчахъ, и онѣ доставляютъ главный матеріалъ для сужденія о его краснорѣчіи, къ ознакомленію съ ними я и перейду теперь, только дополнительно касаясь напутствій и кассационныхъ заключеній. Выполненіе моей задачи облегчается и тѣмъ, что рѣчи А. Θ. Кони были уже предметомъ обсужденія въ работахъ гг. Арсеньева, Глинскаго, Грузенберга, Ляховецкаго и другихъ, что позволяетъ мнѣ лишь вкратцѣ остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ краснорѣчія А. Θ. Кони, разборъ котораго я начну съ оцѣнки формы его рѣчей. А. Θ. Кони произноситъ рѣчи сдержанно и спокойно, безъ излишнихъ жестикულიціи, пониженій и повышеній голоса, крикливаго пафоса, долженствующаго доказать искренность увлеченія оратора и свидѣтельствующаго часто лишь о полномъ отсутствіи этой искренности и убѣжденія; Каждое слово у него поставлено на свое мѣсто. А. Θ. Кони, какъ это единогласно признается всѣми, замѣчательный стилистъ, рѣчь котораго не утрачиваетъ своей силы въ чтеніи. У нѣкоторыхъ ораторовъ, какъ напр. у знаменитаго французскаго адвоката Беррье, главная сила рѣчи заключалась въ произнесеніи, это указываетъ на невыработанность и небрежность формы, скрадывавшіяся искусствомъ оратора. Рѣчи А. Θ. Кони можно въ этомъ отношеніи сопоставить съ рѣчами ораторовъ древняго міра, произведенія которыхъ доставили имъ славу не только ораторовъ, но и писателей. Несомнѣнно, что такая выработка слога является результатомъ какъ выдающихся дарованій, такъ и настойчиваго труда надъ этими дарованіями. Вообще въ работахъ А. Θ. Кони не чувствуется излишняго довѣрія къ своимъ силамъ или злоупотребленія своимъ авторитетомъ, приводящимъ къ поверхностной подготовкѣ, что часто гибельно отражается на ораторскомъ талантѣ.

Каждая рѣчь А. Θ. Кони можетъ служить яснымъ доказательствомъ какъ его широкихъ и разностороннихъ познаній,

далеко переходящихъ за предѣлы спеціально юридическихъ наукъ, такъ и внимательнаго, безукоризненнаго изученія предмета рѣчи до мельчайшихъ подробностей. Судебное ли это дѣло или біографія какого либо лица или исторія учрежденія, А. Θ. Кони всегда чувствуетъ себя дома, свободно располагаетъ обширнымъ матеріаломъ. Эти же самыя качества его дарованія проявляются и въ слогѣ. Конечно, каждый ораторъ, обладающій талантомъ и опытностью, привыкшій къ точному и ясному выраженію своихъ мыслей, при надобности можетъ прибѣгнуть къ импровизаціи, большое умѣнье пользоваться ею безспорно есть и у А. Θ. Кони, но она занимаетъ надлежащее мѣсто, къ ней ораторъ обращается, какъ къ вспомогательному оружію; онъ не рискуетъ напрасно ничѣмъ существеннымъ, что можетъ ускользнуть отъ вниманія оратора, всецѣло полагающагося на вдохновеніе и удачу.

Внимательная обработка слога, его постепенное совершенствованіе возможно прослѣдить на нѣкоторыхъ выраженіяхъ, образахъ и оборотахъ рѣчи оратора. Особенно понравившіяся ему выраженія съ теченіемъ времени шлифуются, имъ придается большая опредѣленность и красота. Въ 1870 г. обвиняя по дѣлу объ убійствѣ Бѣлова, А. Θ. Кони замѣчаетъ, что въ данномъ дѣлѣ не можетъ быть прямыхъ, очевидныхъ доказательствъ «а будутъ мелочныя обстоятельства, будетъ витейская обстановка, будутъ тѣ кусочки, изъ которыхъ, какъ мозаику придется складывать, осторожно и терпѣливо обвиненіе. Въ дѣлѣ не будетъ прямыхъ доказательствъ, но найдется рядъ уликъ». (Судебныя рѣчи, 1888 г. стр. 143). Въ 1890 г. въ заключеніи по дѣлу Акимова ораторъ такъ опредѣляетъ улики: «это обстоятельства, которыя лишь въ извѣстной совокупности, связанныя между собою цѣпью мозаключеній и логикой фактовъ, могутъ составить доказательство. Это отдѣльные кусочки, разноцвѣтные камешки, сами по себѣ не имѣющіе ни цѣнности ни значенія, и только въ рукахъ опытнаго мастера, связанные крѣпкимъ цементомъ шпательнаго искусства, образующіе болѣе или менѣе цѣнную картину» (За послѣдніе годы, стр. 167). Такимъ образомъ понятіе объ уликахъ, набросанное въ общихъ контурахъ въ 1870 г.,

въ 1890 г. сложилось въ опредѣленную и яркую картину, въ которой сохранено первоначальное сравненіе съ мозаикой. Въ 1875 г., говоря о дневникѣ (дѣло Сѣдковой), ораторъ указываетъ, что «въ такого рода документахъ человѣкъ всегда, невольно и незамѣтно для себя, рисуется и драматизируетъ и передъ собой и передъ другими какими то безвѣстными ему будущими читателями». (Судебн. рѣчи стр. 364). Въ 1878 г. въ напутствіи по дѣлу М. Жюжанъ о дневникѣ говорится, что ведущій его, обыкновенно юноша «почти безсознательно отдается представленію о какомъ то отдаленномъ будущемъ читателѣ, который скажетъ: «какой былъ хорошій человѣкъ тотъ, кто писалъ этотъ дневникъ, какія благородныя мысли и побужденія у него были». (Судебн. рѣчи, стр. 513). Аналогичныя мѣста можно указать и относительно опредѣленій сомнѣній, которыя встрѣчаются во многихъ рѣчахъ.

Точно также однажды выработанные приемы рѣчи, признаваемые ораторомъ удачными, служатъ ему по нѣскольку разъ, измѣняясь, конечно, соотвѣтственно обстоятельствамъ и характеру даннаго дѣла. Такъ въ нѣкоторыхъ рѣчахъ встрѣчается совершенно однородное построеніе послѣднихъ фразъ. Въ 1871 г. ораторъ такъ заканчиваетъ обвиненіе по дѣлу Солодовникова: «Подсудимый говорить, что однимъ изъ основаній любви къ нему Солодовникова было то, что у него мягкія руки, удобныя и пріятныя для растиранія. Быть можетъ вашъ приговоръ покажетъ ему, что у него руки не только мягкія, но и длинныя». (Судебныя рѣчи, стр. 37). Въ этомъ же году (1871 г.) заключеніе по дѣлу кн. Щербатовой кончается такимъ образомъ: «Передъ нами читалось письмо Торчаловскаго, въ которомъ онъ говоритъ, что «можетъ гордиться въ своей сферѣ и можетъ быть полезенъ въ высшей сферѣ» я полагаю, что вашъ приговоръ, гг. присяжные засѣдатели, покажетъ что такое высокое мнѣніе подсудимаго о самомъ себѣ было по меньшей мѣрѣ преждевременно и неосновательно». (Судебн. рѣчи, стр. 64). Въ послѣднихъ фразахъ рѣчи по дѣлу Янсеновъ говорится: «гг. присяжные засѣдатели, вашъ приговоръ является... сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ общества съ поддѣльщиками и распространите-

лями. Если вы придете къ такому выводу, къ которому пришло обвиненіе... то, можетъ быть, вашъ приговоръ покажетъ, что это средство сильно... и что оно строго и беспощадно караетъ виновныхъ въ такихъ противъ общества преступленіяхъ, каково настоящее». (Судебн. рѣчи, стр. 108). Можно указать и еще подобныя окончанія рѣчи (напр. по дѣлу Андреева. Судебн. рѣчи, стр. 459). Здѣсь построеніе заключительныхъ послѣднихъ фразъ однообразно: ораторъ беретъ какое либо положеніе, имѣющее связь съ дѣломъ или личностью подсудимаго — это первая часть, вторая заключается въ подтвержденіи или отрицаніи сказаннаго въ обычной формулѣ: «приговоръ покажетъ» или «докажетъ». При этомъ нельзя не замѣтить, что содержаніе заключительныхъ фразъ берется въ нѣкоторыхъ дѣлахъ (кн. Щербатовой, Солодовникова, Колосова) ораторомъ изъ слишкомъ личныхъ соображеній, изъ мелкихъ частныхъ характеристики или мнѣній подсудимаго, и пріобрѣтаетъ вслѣдствіе этого специальный характеръ, не всегда соответствующій значенію послѣднихъ словъ рѣчи. Пронія въ этихъ случаяхъ можетъ быть объяснена лишь полной увѣренностью оратора въ успѣхѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что эти особенности выработки стиля оратора, доказывая ея тщательность, въ то же время не вредятъ впечатлѣнію каждой отдѣльной рѣчи. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользованіе однимъ и тѣми же пріемами неудобно для писателя, то слѣдуетъ помнить, что ораторъ находится въ другихъ условіяхъ, его аудиторія мѣняется и для нея изложеніе является новымъ, а не повтореніемъ. Повторенія могутъ быть замѣтны лишь въ послѣдствіи при сопоставленіи и изученіи напечатанныхъ рѣчей. Кромѣ того богатый запасъ словъ и образовъ, находящійся въ распоряженіи оратора, дѣлаетъ почти невидимыми эти повторенія, они, слѣдовательно, и не могутъ нанести никакого ущерба красотѣ и оживленности стиля, который въ каждой рѣчи приспособляется къ свойствамъ дѣла и участвующихъ въ немъ лицъ.

2.

Рѣчи А. Θ. Кони выдѣляются изъ обычныхъ прокурорскихъ рѣчей и передачей обстоятельствъ дѣла и доказательствами, онѣ даютъ не одинъ остовъ аргументаціи, а дѣйствительно воспроизводятъ событіе со всѣми деталями и особенностями; для этого служатъ оратору, составленные имъ съ большимъ искусствомъ, общія мѣста и разсужденія, весьма разнообразнаго содержанія. Эти общія мѣста находятся въ ближайшей связи съ рѣчью; напрасныхъ отступленій, имѣющихъ цѣлью украсить рѣчь, хотя бы нарушая цѣлостность впечатлѣнія, было бы бесполезно искать въ рѣчахъ А. Θ. Кони.

Силѣ и глубинѣ общихъ мѣстъ, являющихся однимъ изъ могущественныхъ ораторскихъ средствъ, много содѣйствуетъ именно широкое общее образованіе А. Θ. Кони, способность его проникать въ причины дѣйствій, въ общественныя бытовыя условія лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, и пониманіе ихъ характера. Понятно, что такія общія мѣста, мастерски написанныя и продуманныя, составляютъ въ связи съ относящимися къ нимъ обстоятельствами дѣла какъ бы самостоятельный аргументъ, они поддерживаютъ, придаютъ достовѣрность отдѣльнымъ, частнымъ утвержденіямъ, обосновываютъ выводъ. Въ дѣлѣ объ убійствѣ Чихачева нужно было объяснить влеченіе обвиняемой къ убитому, сохраняя достоинство обѣихъ сторонъ. Ораторъ находитъ это объясненіе въ молодости обвиняемой: «Всякій, вспоминая свою молодость, говоритъ онъ, конечно признаетъ, что ничто такъ не заманчиво въ эти годы, какъ сознавать такъ или иначе приносимую пользу, сознавать, что существуешь не даромъ, что кому то помогаешь, кого то облегчаешь... И тотъ, кому приходится молодость на помощь, кого она утѣшаетъ, становится для нея особенно дорогъ и ничуть не тягостенъ. Здѣсь легко развивается великодушная дружба, а затѣмъ нерѣдко и другое болѣе сильное чувство... То же произошло и въ настоящемъ случаѣ». (Судебн. рѣчи, стр. 328). Ораторъ пользуется съ особеннымъ успѣхомъ общими мѣстами въ тѣхъ случаяхъ,